

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

МОЛИТВЫ, СЛЕЗЫ И ЛЮБОВЬ...

Роман И. С. Тургенева *«Отцы и дети»* (1861) — одно из вершинных достижений отечественной классики. Его внутренний свет не потускнел под налетом хрестоматийно-школьного глянца и вульгарно-идеологических трактовок, в том числе и режиссерско-постановочных. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность, вот уже более чем полтора века не угасает стремление к постижению бесконечно богатого образного мира романа, не прекращаются попытки проникнуть в его «святая святых».

Конфликт поколений в *«Отцах и детях»* с поверхности текста переходит во внутреннее, глубинные пласты, в сферы внетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них — о сокровенном смысле жизни. Размышления о ее мимолетности; сознание того, что каждый неизбежно встретит смерть один на один: «Старая штука смерть, а каждому внове» (7, 182¹); метафизическое одиночество (философия «космического пессимизма»), свойственные складу тургеневского художественного мышления, постепенно преодолеваются на путях признания высшей трансцендентной сущности человека.

Тургенев уверен, что «только с духовным началом, с идеалами может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (I, 436). Ощущение причастности к всеобщей вселенской гармонии Божьего мира расширяет духовные горизонты личности. Человек не столь трагически переживает свою «временность» и «конечность», предчувствуя свою родственность чему-то «высшему» и «вечному».

Без образа Божия жизнь безбожна, безобразна и безобразна. Отсутствие веры писатель создавал как неполноценность, ущербность, обделенность и обедненность личности. Графине Е. Е. Ламберт Тургенев писал: «Да, земное все прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим! *Но я еще не теряю надежды* (курсив мой. — А. Н.-С.)» (III, 61).

Христианские упования писателя нашли выражение в образах религиозно одаренных людей — таких, как Лиза Калитина (*«Дворянское гнездо»*), Лукерья (*«Живые мощи»*), — которых автор создавал с чувством величайшего благоговения. В религиозных переживаниях видит Тургенев источник внутренней силы и нравственной чистоты. Стихотворения в прозе *«Христос»*, *«Монах»*, *«Молитва»* свидетельствуют о «томлении

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

духа», духовной жажде, потребности писателя в Богообщении: «Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу» (10, 172).

В романе «*Отцы и дети*» проявилось осознание духовной высоты христианского чувства, православной церковной традиции. Соборование нигилиста Базарова в сцене его смерти не выглядит неожиданностью, но — наоборот — подчиняется внутренней художественной логике тургеневского произведения.

Православному Таинству Соборования отведены лаконичные строки внутри единственного абзаца, посвященного последним мгновениям земной жизни главного героя. Крайне сдержанно сказано о церковном чинопоследовании христианского напутствия умирающему перед его уходом на суд Божий: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183).

К слову, священник — отец Алексей — фигурирует в нескольких произведениях Тургенева, созданных после «*Отцов и детей*». В рассказе «*Живые мощи*» (1874) отец Алексей христиански поддерживает болящую Лукерью. Впоследствии писатель создал, по его жанровому определению, «легендообразный рассказ» — «*Рассказ отца Алексея*» (1877), указывая в письмах на его невымышленный источник: «(действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) — и погиб» (9, 468). Реальный отец Алексей — священник прихода, к которому принадлежало имение писателя, — упоминается Тургеневым в письме к Н. А. Щепкину: «Поп Алексей просит 15 осиноков» (9, 468).

Несмотря на чрезвычайную сжатость (а возможно, именно благодаря такой немногословности), эпизод Соборования в «*Отцах и детях*» обращает вдумчивого читателя к скрытым пластам романа, вербально не выразимым в своих сокровенных глубинах. Ассоциативный подтекст христиански высвечивает своеобразие поэтики Тургенева, особенности его художественной манеры «тайного психологизма». Писатель останавливается на пороге не постижимой земным разумом загадки души и Духа, человека и мира, вечной неумирающей жизни.

Обрисованный в нескольких словах православный обряд представлен как истинное *Таинство* — в нем ощущается величайшая тайна. Тургенев пишет о Базарове: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» (7, 183–184).

Загадочен этот последний эмоциональный всплеск главного героя романа. В чем кроется источник «содрогания ужаса» прежде бесстрашного нигилиста — титанической личности, отвергавшей Бога и отрицавшей бессмертие, самоуверенно бросающей вызов Провидению?

Идейный вождь русского нигилизма Д. И. Писарев, анализируя сцену смерти Базарова, утверждал, что тот «не струсил», «не изменил себе», «не оплошал»². Герой, который умеет умирать «спокойно и твердо», не отступит перед препятствием и не струсит перед опасностью, — резюмирует критик. Он недалек от истины, расценивая сцену смерти Базарова как апофеоз романа, хотя в угоду тенденциозной односторонности интерпретирует эту сцену в революционно-нигилистическом смысле: «Нигилист остается верен себе до последней минуты».

Тургеневский герой действительно держался стоически-мужественно в течение своей предсмертной болезни. Однако Писарев, по всей видимости, преднамеренно не пожелал отметить и обошел молчанием тот факт, что в последние мгновения жизни при Соборовании неустрашимый Базаров испытал не просто страх, но неопиcуемый ужас.

² См.: Писарев Д. И. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. — Т. 1. — Статьи 1859–1864 гг. — Л.: Худож. лит., 1981.

Современные исследователи до сих пор теряются в догадках: «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?»³ Объяснений нельзя искать вне сложной динамики связей тургеневского творчества с религиозно-нравственными основаниями русской культуры, с традициями христианской духовности.

Согласно православному катехизису, Соборование — одно из семи церковных Таинств, в котором «при помазании тела елеем призывается на больного благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные»⁴. Таинство уходит корнями в Священное Писание, имеет Богоустановленный характер и берет свое начало с апостольских времен. В Евангелии от Матфея сказано, что Сам Христос послал апостолов на благодатное делание телесного и духовного врачевания: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф. 10:1). Это был не только величайший дар, но и задание. Господь заповедал апостолам: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8).

Ученики Христа, получив «власть над нечистыми духами» (Мк. 6:7), «пошли и проповедовали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (Мк. 6:12–13). Апостолы передали это Таинство церковным священнослужителям. Святой апостол Иаков в Соборном послании наставляет: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5:14–15).

Согласно христианскому вероучению, большинство болезней физических являются следствием греха, тогда как сам грех — болезнь духовная. Таким образом, кроме телесного исцеления, в Таинстве Соборования прежде всего молитвенно испрашивается врачевание души больного, отпущение его грехов.

Определение, представленное в примечаниях к роману «Отцы и дети» в Полном собрании сочинений Тургенева: «Соборование — церковный обряд у постели тяжело больного или умирающего с помазанием его тела елеем» (7, 469), не совсем корректно. С точки зрения катехизиса Таинство может совершаться не только над страдающими от тяжелых физических недугов или умирающими. К Соборованию, испросив благословения, могут приступать все православные христиане, достигшие семилетнего возраста. При этом они необязательно должны быть подвержены телесным немощам. Такое состояние души, как уныние, признаваемое смертным грехом, скорбь, отчаяние, даже называемая пушкинскими словами «русская хандра» и т. п., может быть следствием нераскаянных грехов, не осознаваемых самим человеком. В этих случаях также прибегают к благодатной душеспасительной силе Таинства. Существуют традиции совершения общего Соборования и над больными, и над здоровыми людьми в дни Великого поста на Крестопоклонной или на Страстной седмице, вечером перед Великим четвергом или Великой субботой.

Таинство Елеосвящения в обиходе именуется Соборованием, поскольку, согласно уставу Церкви, его полагается совершать семи священникам (собору священнослужителей). Число семь — сакральный знак Церкви и ее полноты. Само чинопоследование Таинства состоит в прочтении семи различных отрывков из Евангелия и Апостола, повествующих о покаянии, об исцелении, о необходимости веры и упования на Бога, о сострадании и милосердии. Церковь также допускает совершение Таинства тремя, двумя и даже одним священником — с тем, чтобы он служил от лица собора иереев, совер-

³ Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». — М: Просвещение, 1982. — С. 138.

⁴ Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. святитель Филарет, митрополит Московский. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. — С. 361.

шая все молитвы, чтения Священного Писания и семикратно помазывая елеем болящего⁵. Соборование допустимо не только в храме, но и в домашних условиях.

Основные моменты видимой составляющей Таинства Елеосвящения (Соборования) — семикратное помазание освященным елеем частей тела больного (лба, ноздрей, щек, губ, груди и рук). Каждое из семи помазаний предваряется чтением Священного Писания, молитвой об исцелении болящего и о прощении его грехов. Непосредственно при помазании читается молитва веры, на голову приступившего к Соборованию возлагается Евангелие вниз письменами, в заключение читается разрешительная молитва от грехов.

Внешняя обрядовая сторона священнодействия в то время, когда создавался тургеневский роман, была известна каждому православному. Возможно, поэтому автору не представлялось необходимым изображать картину Соборования Базарова во всех деталях. В то же время Тургеневу в свойственной ему манере писательской деликатности и человеческой чуткости удалось прикоснуться к сокровенной сущности Таинства, его духовному наполнению. Невидимое действие благодати Божьей, подаваемой в Таинстве Елеосвящения, заключается в том, что соборующийся исцеляется от порождений греха, получает духовное подкрепление и очищение.

В романе «*Отцы и дети*» приходской священник, совершая Таинство от лица собора, по всей видимости, строго придерживается развернутого канонического чинопоследования. Об этом свидетельствуют приведенные выше слова Тургенева: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Важно обратить внимание на форму множественного числа: «обряды». Для адекватного постижения смысла эпизода необходимо учесть, что Соборование тесно соединяется с другими православными Таинствами — Покаянием (исповедью) и Причащением Святых Христовых Тайн. Если Соборование совершается дома у тяжелобольного или умирающего, то вначале, как правило, следуют Исповедь и Причащение, чтобы болящий — ввиду явной опасности близкой смерти — успел принять последнее напутствие как залог вечного блаженства.

Следует подчеркнуть, что Причастия не бывает без покаянной исповеди. В то же время исповедаться человек может, только находясь в здравом уме и твердой памяти. Единственное требование Церкви, напутствующей умирающего, чтобы тот находился в сознании. Над больными в бессознательном состоянии Причащение не совершается. Так, в тургеневском «*Рассказе отца Алексея*» священник вспоминает о смерти своего сына без покаяния: «А как слег Яков, сейчас в безпамятство впал, и так, без покаяния, как безмысленный червь, отошел от сей жизни в вечную...» (9, 131).

Текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедал ли свои грехи Базаров перед кончиной. «Базарову уже не суждено было просыпаться, — пишет Тургенев. — К вечеру он впал в совершенное безпамятство, а на следующий день умер» (7, 183). И только затем следует авторское замечание о совершении предшествующих смерти религиозных обрядов. Поэтому, обращаясь к реконструкции действия, нельзя отрицать и такого, например, развития событий, при котором Базаров мог ненадолго прийти в себя и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответив на вопрос духовника: «Каешься?» — «Каюсь».

Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного — своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров — истинный православный христианин. Будучи опытным лекарем и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа

⁵ См.: Православие для всех / Сост. иеромонах Харитон (Просторов). — Кострома, 2008. — С. 284–290.

на Голгофе. Мука, терзающая старика отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться не свойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что еще более подчеркивает неординарность происходящего:

«— Евгений! — произнес он наконец, — сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забвения, произнес:

— Что, мой отец?» (7, 180).

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...»

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» (7, 180).

Мастер «тайной психологии» — Тургенев не анализирует и даже не называет то движение души героя, которое вызвало такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчетливо ощутим намек на запредельность происходящего — в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров дает решение обеспечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадет в беспмятство:

«— Я не отказываюсь, если это может вас утешить, — промолвил он наконец, — но мне кажется, спешить еще не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

— Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

— Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспмятных причащают» (7, 180).

Отец — бывший полковой лекарь — и его сын-медик говорят на профессиональном языке о течении телесной болезни. В то же самое время речь идет о необходимости духовного врачевания врача Базарова. Православное Таинство, не отменяя физических законов, духовно поддерживает болящего, оказывает ему благодатную душеспасительную помощь.

Таким образом, нельзя однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа. Вовсе не случайно А. И. Герцен (1812—1870) усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального реквиема «о вечном примирении и о жизни бесконечной» (7, 188) опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении «Отцов и детей» Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (7, 468).

Анализ заключительных глав и эпилога романа также привел советского литературоведа М. К. Азадовского еще в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом»⁶. Впрочем, эта крамольная для того времени мысль была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок.

⁶ См.: Азадовский М. К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Оммулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н. Я. Мару: Сб. статей XLV. — М.; Л.: АН СССР, 1935. — С. 589.

О примирении с «небом», преодолении трагического конфликта человека с быстротечностью земной жизни Тургенев размышлял на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе «Рудин» герой — вечный бесприютный странник — выстрадал в конце пути истину: «Смерть, брат, должна примирить наконец...» Церковный образ потухающей лампы в финальном монологе Рудина: «...уже все кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль...» (5, 319) — как символ уходящей жизни — отзывается в сцене последней встречи Базарова с Одинцовой.

Героиню можно было бы назвать «дамой в трауре»: в первый раз она появляется в романе на балу у губернатора как незнакомка «высокого роста в черном платье» (7, 68); перед смертельно больным Базаровым она предстает как «дама под черным вуалем, в черной мантилье» (7, 180). Здесь завуалирован прием предвещения: с Одинцовой связаны любовь и смерть Базарова. Для него Анна Сергеевна, как и княгиня Р. для Павла Петровича Кирсанова, — таинственная женщина-сфинкс, мистически причастная роковым силам любви и смерти.

В княгине Р., пишет Тургенев, «все еще как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнездилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели» (7, 31). Незадолго до смерти загадочная возлюбленная Павла Петровича передала ему кольцо со сфинксом, «провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка» (7, 32). Крест, крестное знамение объединяют судьбы, казалось бы, героев-антиподов. Участь старшего Кирсанова — оппонента Базарова в социально-политических спорах — проецируется на судьбу главного героя «Отцов и детей».

Англоман Павел Петрович уехал за границу, но в эпилоге мы видим его «в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...» (7, 187). Все дорогое для него похоронено, и сам он живой мертвец. Тургенев пишет: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещенная ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (7, 154). Нельзя не заметить, что здесь Кирсанов внешне напоминает умирающего Базарова. «Это все равно, что класть венки из цветов на голову мертвеца» (7, 165), — с горечью говорит Базаров Одинцовой, которая отвергла его страсть, но призналась в дружеском расположении.

Брат старшего Кирсанова Николай Петрович еще ранее замечал: «Да, брат; видно, пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди» (7, 46).

Финал романа увенчивают «серые деревянные кресты» на сельском кладбище «в одном из отдаленных уголков России» (7, 188), где похоронен Базаров.

Так снимается конфликт поколений в романе Тургенева. И отцы, и дети, и все новые поколения людей под сенью креста идут одной дорогой к завершению земной судьбы и к жизни вечной. Устами Аркадия писатель говорит о нескончаемом круговороте неумирающей жизни: «...сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым» (7, 121). О том же размышляет отец Аркадия, мысленно представляя себе покойницу жену «молодою девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученную косой над детскою шейкой. <...> Те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?» (7, 55).

Душа сродни высшему идеалу, и оттого она томится в своей земной ограниченной обители, не довольствуется ею. Анна Сергеевна говорит Базарову об этом «томлении

духа», извечной человеческой тоске по идеалу, о вечном стремлении к счастью и о его недостижимости: «Мы говорили с вами, кажется, о счастии. <...> Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего все это кажется скорее намеком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это?» (7, 96).

Ответ на этот вопрос можно найти в размышлениях святителя Феофана Затворника: «В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что, после самого полного веселия, душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерей рая. Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются.

Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: „Перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?“⁷

Перед лицом Провидения ничего не значат ни возраст, ни красота, ни знатность, ни богатство, ни власть, ни политические пристрастия, ни прочая земная суета. Нигилист и его политический противник оказались равны и одинаково беззащитны: «И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет». Этот финальный мотив пушкинской поэмы «Цыганы», пренебрежительно отвергаемой Базаровым, как и все остальное «художество», все более явственно и трагически звучит в подтексте романа.

Сакральная сторона жизни, с которой самонадеянно пытался вести борьбу «титан» Базаров, культивируя в себе непримиримую враждебность и даже ненависть к проявлениям духовности, одержала над ним верх. Гипернигилист, отрицавший высшие ценности, любовь, искусство, душевные порывы как «чепуху», «гниль», «романтизм», в конце жизни, по сути, становится экс-нигилистом. Называя себя «самоломаным», он уже не стыдится открыть одухотворенного романтика в самом себе. Герой не подавляет движений своего сердца, признавая тем самым существование высшей духовной силы, над которой никто не властен.

Человек, объясняет христианский философ В. В. Зеньковский, «открывает в себе глубину неисследимую, находит в себе целый мир»; «духовность загадочно сочетается с тварностью, но все же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр („реальное Я“), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро»⁸.

Новое для Базарова духовно-душевное состояние проявляется в строе его речи, слове, которое (по Гоголю) «есть высший подарок Бога человеку»⁹. Тургеневский герой невольно начинает изъясняться в стиле влюбленных рыцарей, трубадуров, миннезингеров, которых он некогда зло высмеивал как сумасбродных безумцев. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (7, 183), — обращается он к даме своего сердца. Базаров умирает с любовью, призывая к себе «благодать» (так переводится имя Одинцовой — Анна), просветляющую его духовные силы.

Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне. Очнувшись от «тяжелой, полузабывчивой дремоты», умирающий герой, «с усилием рас-

⁷ Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. — М.: Московский Сретенский монастырь, 1997. — С. 291–293.

⁸ Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М., 1993. — С. 44, 47.

⁹ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 6. — С. 187.

крыв глаза, увидел над собою при свете лампадки бледное лицо отца» (7, 176). В «будущем лекаре и лекарском сыне» оживает «дьячковский внук». Об этой связи в цепи поколений Базаров не забывал: «Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?..» (7, 76) — многозначительно напоминал он Аркадию. И даже «осведомился однажды об отце Алексее» (7, 170), что вовсе не вписывается в нигилистические установки.

С судьбой Базарова много схожего у героя «*Рассказа отца Алексея*» Якова, происходящего из древнего священнического рода: «...в нашем приходе близко двухсот годов все из нашей семьи священники живали!» (9, 123), но пожелавшего «идти по-светскому»: «„поступлю в университет, буду доктором; потому — к науке большую склонность чувствую“. <...> Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня — почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся!» (9, 123–124). Самонадеянность обернулась духовной и физической катастрофой.

Но текст «*Отцов и детей*» не дает оснований говорить о полном «угасании» символической «лампады». Последнее, что видит Базаров своим земным зрением, — это благодатные свет и огонь: святые образа с неугасимыми лампадами, горящие перед иконами свечи, воскурение ладана в кадилнице.

Думается, не случайно автор с его обостренной художественной интуицией пишет об умирающем Базарове: «...один глаз его раскрылся» (7, 183). Писатель в сцене Соборования сумел уловить сам момент перехода героя в вечность: один глаз еще может обозреть земное, другой уже закрыт навеки. Что представилось внутреннему зрению героя, что увидел он своими «духовными глазами» (это не только пушкинское выражение, но и богословское, святоотеческое) и что пережил в момент умирания, когда приоткрывшаяся в последний миг завеса позволила ему взглянуть за пределы земной жизни? И отчего в его лице возникло выражение ужаса? Был ли он поражен величием непостижимой тайны, явившейся ему во всей полноте и навеки низвергающей нигилистическую теорию абсолютного «ничто»? Встретил ли он то, чего не ждал, о чем не думал, что отвергал и во что не верил? При Соборовании, видимо, в умирающем уже теле он совершил какое-то громадное открытие о жизни духовной, ужаснувшее его самого.

Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он позиционировал себя как нигилиста и атеиста, можно насчитать в романе немало. Окружающим Базаров внушал безотчетный страх. В глазах матери, неотступно обращенных на сына, «виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор» (7, 124). Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (7, 100); «„Я боюсь этого человека“, — мелькнуло в ее голове» (7, 98). Ученик Базарова — «бланманже» Аркадий — также пережил минуты страха перед своим идейным наставником, когда в шуточной ссоре от него вдруг повеяло серьезной опасностью: «Что подеремся? — подхватил Базаров. — Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло...»

Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» (7, 121–122). Злое начало готово выплеснуться в любой момент, беспричинно, бессмысленно, и оттого особенно страшно.

Столь же страшен одержимый наваждением бесовским Яков в «*Рассказе отца Алексея*»: «Верите ли, я назад отскочил, до того испугался! Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен как смерть, волосы дыбом, глаза перекошились... У меня от испуга даже голос пропал; хочу говорить, не могу — обмеря совсем...» (9, 130).

Базарову в предсмертном бреде так же, как Якову, виделось нечто inferнальное: «Пока я лежал, мне все казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» (7, 177). Так, быть может, Соборование Базарова, ужаснувшегося в пограничный момент между жизнью и смертью, соединилось с обрядом изгнания беса — экзорцизмом, в народе именуемом «чертогон»? «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! <...> Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя окроплю» (9, 126), — пытался молитвенно помочь своему одержимому сыну священник («*Рассказ отца Алексея*»).

Но в «*Отцах и детях*» обо всем этом можно только догадываться. Тургенев оставляет читателя на пороге неразрешимой в пределах земного бытия загадки, ибо, как во всяком Таинстве, «тайна сия велика есть». Бесспорно одно: Базаров в последнее мгновение умирания, перехода по ту сторону бытия пережил трансцендентное состояние, не измеримое ограниченными мирскими мерками, неподвластное земному разуму, не поддающееся рациональным мотивировкам.

Таинство окончательно выводит Базарова из конкретно-чувственного, вульгарно-материалистического, обыденно-бытийного состояния в план инобытия. Это не есть абсолютное «ничто», «темнота», как думалось ранее Базарову-нигилисту.

Упование на бесконечное милосердие Божие за пределами земной жизни выражено также в финале «*Рассказа отца Алексея*»: «Но не хочу я верить, чтобы Господь стал судить его Своим строгим судом... И, между прочим, я этому потому не хочу верить, что уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились — а на губах улыбка» (9, 131—132).

Тургенев ясно дает почувствовать, что душа человеческая сопряжена с бесконечностью; в последние мгновения с человеком происходит нечто невидимое, таинственное и великое.

Сходное переживание перед лицом этой тайны выразил В. А. Жуковский (1783—1852) в стихотворении <«А. С. Пушкин»> (1837) на смерть поэта:

Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
 Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
 Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
 Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
 Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
 Что выражалось на нем, — в жизни такого
 Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
 Пламень на нем; не сиял острый ум;
 Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
 Было объято оно: *мнилось мне, что ему*
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?
 (выделено мной. — А. Н.-С.)¹⁰.

¹⁰ Жуковский В. А. <А. С. Пушкин> // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. — М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960. — Т. 1. — С. 393.

В Таинстве предсмертного Соборования человек, очищенный от грехов, вводится в бесконечную жизнь воскресшего Христа. Страдание, умирание и сама крестная смерть в Христовом Воскресении явились залогом полноты неумирающей жизни.

Эти христианские упования духовно поддерживают родителей Базарова, потерявших единственного сына.

Столь великое горе поначалу чуть не затмило сердце и разум отца Базарова. Василий Иванович, ослепленный своим отцовским страданием, готов был взбунтоваться против Отца Небесного. В этом отец-христианин на миг уподобился сыну-отрицателю и бунтарю: «Василием Ивановичем обуяло внезапное исступление. „Я говорил, что я возропщу, — хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, — и возропщу, возропщу!“» (7, 184).

Мгновенный непокорный порыв угашен, и родители Базарова безропотно принимают Божью волю в смиренном земном поклоне: «Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него (Василия Ивановича. — А. Н.-С.) на шею, и оба вместе пали ниц. „Так, — рассказывала потом в людской Анфисушка, — рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень...“» (7, 184). В этой картине кроткого жертвенного смирения возникает христианская аллюзия — намек на образ жертвенного агнца или того «малого стада», к которому со словами утешения и ободрения обратился Господь: «*Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство*» (Лк.12:32).

Финал романа «*Отцы и дети*» означен спасительным крестом. Из Базарова не «лопух» вырастает, как мнилось бунтующему физиологу, задумавшемуся о сокровенном смысле жизни: «...из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (7, 120). Этот трагический вопрос остался тогда без ответа. Но ответ в романе прозвучал ранее: «...крест — вот разгадка» (7, 32). На могиле героя возвышается крест, обозначая место, где по православному обряду похоронен христианин. Как символ вечно обновляющейся жизни — «две молодые елки» (7, 188), посаженные любящими родителями в «вечную память» о сыне.

В земной юдоли люди, в том числе отцы и дети, даже если они родственны не только по крови, но и по духу, не в состоянии достичь абсолютного единства. Каждый неизбежно отделен от другого и собственной физической оболочкой, и неповторимым внутренним миром, остающимся во многом таинственным для самого его носителя, «*ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?*» (1 Кор. 2:11).

Стремления, замыслы, планы, амбиции также не могут быть реализованы всецело и не зависят от воли и усилий человека: «*Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть? И так, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?*» (Лк. 12:25–26). В евангельской притче Бог сказал самоуверенному богачу, распланировавшему для себя дальнейшую счастливую жизнь «на многие годы» вперед: «*...безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя*» (Лк. 12:19–20). «*Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет*» (Мф. 24:42). Самых родных, близких и любящих — и тех разлучает, разъединяет смерть. Не смогли противостоять ей отец и сын — оба лекари — в тургеневском романе.

Но «*невозможное человекам возможно Богу*» (Лк. 18:27). Нетленные ценности существуют. Главная непреходящая ценность — любовь Христова. Тургенев, цитируя апостола Павла, горячо в это верует: «...одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. <...> „Все минется, — сказал апостол, — одна любовь останется“» (5, 348). В своем утверждении: «...любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (10, 142) — писатель сердечным знанием постиг заветные христианские истины: «*И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог,*

и уверовали в нее. Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16).

Средоточие любви совершенной, которая «изгоняет страх» (1 Ин. 4:18), — Отец, Сын и Дух Святой. «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим. 8:16). В Пресвятой Троице, Единосущной и Нераздельной, обретает человек — венец Божьего творения — истинное единство и желанную цельность, незаблемую опору и жизнь вечную: «...если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная» (1 Ин. 2:24–25).

«Отцам» и «детям» адресовал святой апостол Иоанн свое послание об Отце Небесном: «Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала» (1 Ин. 2:12–13).

Молитвы, слезы и любовь — эта священная триада венчает тургеневский роман: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии „равнодушной“ природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (7, 188).

Неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертие, предчувствие «жизни бесконечной» (7, 188) для людей как детей общего Отца Небесного — последнее упование в романе Тургенева «Отцы и дети».